

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ В. Р. Розеномъ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

1911 — 1912.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДЕСЯТИ ТАБЛИЦЪ И СЪ ТРИНАДЦАТЬЮ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лп., № 12.

1913.

Загадочный Гюлистанъ Золотой орды.

Въ своей замѣткѣ¹⁾ «О мѣстоположеніи Гюлпстана при-Сарайскаго» (въ невышедшемъ еще Сборникѣ статей, посвященномъ имени профессора В. Б. Антоновича) я коснулся изслѣдованія В. К. Трутовскаго «Гюлистанъ Золотой Орды» (въ Трудахъ Восточной Коммисіи И. Москов. Археологич. общества, т. I), причѣмъ отнесся отрицательно къ выводамъ автора. Это побудило г. Трутовскаго вновь разсмотрѣть вопросъ о Гюлистанѣ, и въ результатѣ появилась вторая его статья: «Гюлистанъ, монетный дворъ Золотой Орды» (въ «Нумизматическомъ Сборникѣ», т. I, М. 1911). Эта вторая статья свидѣтельствуетъ нагляднымъ образомъ, что моя оцѣнка первой статьи была правильна, такъ какъ самъ г. Трутовскій въ основныхъ своихъ положеніяхъ измѣнилъ свой прежній взглядъ.

Раньше онъ считалъ Гюлистанъ настоящимъ городомъ, такимъ городомъ, слѣды котораго можно отыскивать, и самъ онъ отыскивалъ ихъ; теперь Гюлистанъ, хотя тоже городъ и даже малая столица, только какая-то особенная, г. Трутовскій не знаетъ даже, была ли эта столица лишь лѣтнею или постоянною (стр. 573), но утверждаетъ, что искать ее бесполезно, такъ какъ это городъ передвижной, кочевой, какъ-бы въ родѣ лѣтняго лагеря. Прямо *кочевымъ* городомъ г. Трутовскій Гюлистана не называетъ, а выходитъ это изъ взятаго у Ибн-Батуты описанія перекочевки хана Узбека. Дѣло, однако, въ томъ, что движущійся городъ и стоянка его имѣли у татаръ очень опредѣленное названіе, именно *орда*, и Ибн-Батута совершенно точно передалъ это, заявивъ, что ставка хана называется *урду*. Если бы такой ставкѣ было присвоено наименованіе Гюлистанъ, неужели Ибн-Батута умолчалъ бы о такомъ курьёзѣ? Вѣдь это, по словамъ г. Трутовскаго, обстоятельный путешественникъ.

Въ первой статьѣ г. Трутовскій допускалъ возможность приуроченія Гюлистана къ Селятриному городу, во второй категорически отказался отъ

1) Ср. также ЗВО. XVII, XXVIII.

этого мнѣнія, послѣ того, какъ познакомился ближе съ характеромъ Ено-таевского уѣзда.

Время существованія монетнаго двора въ Гюлистанѣ г. Трутовскій опредѣлялъ раньше въ 70 лѣтъ, а теперь нашелъ, что этотъ срокъ слѣдуетъ удлинить еще на 5 лѣтъ.

Упразднивъ такимъ образомъ первую статью, г. Трутовскій заявилъ во второй, что теперь онъ разъяснилъ вопросъ въ достаточной степени и притомъ съ научными приемами въ меньшей степени, чѣмъ авторъ «О мѣстоположеніи Гюлистана при-Сарайскаго». Если бы новые доводы были бы хотя скольконибудь убѣдительными, я, не задумываясь, сознался бы въ своей ошибкѣ; но все, что г. Трутовскій привелъ въ опроверженіе моей гипотезы о возможности приуроченія Гюлистана къ Колобовскому кургану, не только не устраняетъ этой возможности, но еще болѣе подтверждаетъ ее, и на мнѣ лежитъ обязанность разобрать вторую статью г. Трутовскаго.

Хотя она озаглавлена: «Гюлистанъ, монетный дворъ Золотой Орды», но почти вся наполнена доказательствами, что Гюлистанъ есть городъ, а не дворецъ, какъ утверждали нѣкоторые ориенталисты, а за ними и я. Слѣдовательно, заглавіе какъ будто не соотвѣтствуетъ содержанію и можетъ вызвать въ читателѣ недоумѣніе; но это, конечно, мелочь.

Г. Трутовскій, думая опровергнуть мое положеніе, настойчиво противопоставляетъ дворцу городъ, какъ будто дѣло идетъ о Западѣ, а не о Востокѣ. Но я и говорилъ, основываясь на раскопкахъ А. В. Терещенко, что загородный дворецъ Гюлистанъ былъ значительнымъ поселеніемъ, а потому онъ имѣлъ полное право называться резиденціею, городомъ, потому что тамъ сосредоточивалась во время пребыванія хана административная власть, могъ пользоваться разными эпитетами, въ родѣ «богохранимый» и другіе.

Г. Трутовскій напечаталъ слѣдующую фразу: «Полагаю, что для всякаго безпристрастнаго читателя всѣ, указанные мною факты, историческіе и нумизматическіе, и соображенія, могутъ быть отмѣнены, какъ обладающіе «убѣдительною доводами и строгими научными приемами», ибо я не скрылъ ничего и исчерпалъ весь матеріалъ, чего, къ сожалѣнію, не могу сказать про статью «О мѣстоположеніи Гюлистана при-Сарайскаго» (стр. 573). Смыслъ фразы ясенъ: я умышленно скрылъ историческіе и нумизматическіе факты, которые мѣшали моему выводу о Гюлистанѣ, какъ дворцѣ, о его мѣстоположеніи и времени существованія. Что же я скрылъ? По заявленію г. Трутовскаго я не упомянулъ въ своей статьѣ о венеціанскомъ трактатѣ 1347 года, не привелъ описанія Сарая эль-Омари

и Ибн-Батуты, не обратилъ вниманія на ярлыкъ Тайдулы, игнорировалъ и *многое другое*. Отвѣчу по порядку.

Г. Трутовскій утверждаетъ, будто я не допускаю существованія Гюлистана ранѣе 751 г. гиджры, т. е. ранѣе 1350—1 г. по Р. Х. (стр. 563). Это невѣрно, такого заключенія у меня нѣтъ и высказать его я не могъ, потому что никакихъ данныхъ для этого не имѣлъ. Считая дату на монетѣ 727 (1326) года не достовѣрной, я сказалъ, что существованіе Гюлистана во время хана Узбека *не подтверждается*. Конечно, не подтверждается монетами, потому что рѣчь шла о монетахъ, на основаніи которыхъ г. Трутовскій думалъ установить продолжительность Гюлистанскаго монетнаго двора. Я находилъ, что хронологія монетъ источникъ не надежный, что существованіе монетнаго двора не подлежитъ сомнѣнію только за періодъ съ 751 по 768 годъ. По моему предположенію Гюлистанъ возникъ, какъ загородный дворецъ, монетный же дворъ появился тамъ послѣ, появился, какъ случайность, т. е. строили дворецъ, а не монетный дворъ. Подобное явленіе замѣчаемъ у татаръ и въ другомъ мѣстѣ, и въ другое время: послѣдніе Гиреп устроили монетный дворъ въ Кафѣ (Феодосія), но кто же будетъ утверждать, что Кафа существовала столько же времени, сколько и монетный дворъ ея? Я допускалъ предположеніе, что при Узбекѣ, по крайней мѣрѣ до посѣщенія Золотой орды Ибн-Батутой, Гюлистана еще не было, поэтому о ханствованіи Джалилбека я ничего и не прибавилъ. Вотъ почему трактатъ 1347 года мнѣ былъ не нуженъ¹⁾. Замѣчу еще, что продолжительность монетнаго двора въ Гюлистанѣ выгоднѣе для меня гораздо болѣе, чѣмъ для г. Трутовскаго, потому что дворецъ учрежденіе постоянное, находящееся въ опредѣленномъ мѣстѣ; а г. Трутовскій допускаетъ для Гюлистана передвиженіе. Если его Гюлистанъ блуждающая столица, то странно, что въ теченіе 75 лѣтъ она повсюду называлась нелѣпнымъ именемъ «Садъ розъ», когда при кочевкахъ никакихъ розъ быть не могло.

Пояснивъ, хотя и съ чужихъ словъ, что такое былъ мусульманій городъ, и не указавъ, на сколько татарскіе города соотвѣтствовали мусульманскимъ, г. Трутовскій упрекнулъ меня въ томъ, что я игнорировалъ превосходное описаніе Сарая, сдѣланное арабскимъ путешественникомъ Ибн-Батутой; но я писалъ не о Сараѣ, а о мѣстоположеніи Гюлистана, и Сарай мнѣ былъ совершенно не нуженъ, потому что изъ упомянутаго описанія рѣшительно ничего нельзя извлечь для Гюлистана. Однако, г. Тру-

1) Г. Трутовскій помѣчаетъ договоръ 1347—8 годами, основываясь на двухъ датахъ итальянскаго текста, между тѣмъ мусульманская дата прямо указываетъ на 27 декабря 1347 года.

товскій извлекъ любопытныя указанія и своеобразно воспользовался ими. Въ подкрѣпленіе къ описанію Ибн-Батуты г. Трутовскій привелъ показаніе другого арабскаго писателя, эль-Омари: «Онъ (Сарай) лежитъ на солончаковой землѣ, безъ всякихъ стѣнъ (подчеркнуто г. Трутовскимъ). Мѣстопребываніе царя тамъ большой дворецъ, на верхушкѣ котораго (находится) золотое новолуніе (вѣсомъ) въ два кыштаря египетскихъ. Дворецъ окружаютъ стѣны, башни, да дома, въ которыхъ живутъ эмпы его. Въ этомъ дворцѣ ихъ зимнія помѣщенія»¹⁾.

Придавая почему-то значеніе разсказу этого автора относительно отсутствія городской стѣны, г. Трутовскій не замѣчаетъ противорѣчія между двумя арабскими писателями. Эль-Омари утверждаетъ, что у города нѣтъ стѣнъ, а стѣна находится у дворца; Ибн-Батута же сообщаетъ о стѣнѣ не у дворца, а въ томъ кварталѣ, гдѣ живутъ приѣзжіе купцы. Казалось-бы, что прежде, чѣмъ доказывать этимъ свидѣтельствомъ что-либо, слѣдовало бы разъяснить данное противорѣчіе, если ставить этихъ писателей на одну доску, какъ поступаетъ г. Трутовскій и совершенно не правильно. Здѣсь и слѣдовало бы обратиться къ работамъ Терещенко, который нашелъ стѣну въ Сарай и сообщилъ о ней нѣкоторыя свѣдѣнія. Но моему противнику нужно не это, онъ обрадовался извѣстію о солонцахъ. «Итакъ — побѣдоносно заявляетъ онъ — Сарай лежалъ въ солончаковой землѣ и въ немъ не было ни одного сада. Откуда же взялся бы здѣсь Гулистанъ «Садъ розъ»? (стр. 574). И въ другомъ мѣстѣ онъ пронизываетъ: «какая же это кочевка орды, да еще въ солончаковой степи!» (стр. 576). Въ виду того, что Ибн-Батута, на правахъ очевидца, не говоритъ о солонцахъ, а только заявляетъ, что Сарай расположенъ на ровной землѣ, слѣдовало бы отнестись къ показанію эль-Омари, собиравшему свѣдѣнія отъ случайныхъ разсказщиковъ въ Египтѣ, критически и разобрать его съ большею тщательностью. Прежде всего нельзя было полагаться на переводъ Тизенгаузена, который не всегда бралъ надлежащія значенія арабскихъ словъ²⁾, а нужно было заглянуть въ текстъ, гдѣ стоитъ: *وهي* (т. е. Сарай) *في أرض سبخة*. Слово *سبخة* кромѣ «селитряной» и «солончаковой» (почвы) значитъ еще «песчаный», «заливаемый водою»³⁾. Думаю, что сюда всего лучше подходило бы послѣднее значеніе, потому что Ахтуба заливаетъ окрестности Сарая, и въ одинъ годъ изъ за такого разлива Терещенко нѣкоторое время не могъ производить раскопокъ въ городѣ. Но предполо-

1) В. Тизенгаузенъ, Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды, стр. 241.

2) Перевелъ же Тизенгаузенъ накары (литавры) черезъ «трубы» (стр. 68).

3) Dozy, Supplément aux Dictionnaires Arabes. T. I. Leyde, 1881. Sub voce.

жимъ, что эль-Омаръ имѣлъ въ виду солонцы; требовалось провѣрить эту подробность, такъ какъ едва ли бы выходцы изъ Пензенской губерніи пошла занимать солонцы. Въ томъ-то и дѣло, что никакихъ солонцовъ у Колобовщины нѣтъ, а напротивъ — хорошія пашни и роскошные луга, о которыхъ писалъ мѣстный священникъ, и это было у меня приведено.

Совершенно произвольно г. Трутовскій считаетъ Колобовскій курганъ частью Сарая и думаетъ, что тамъ жили купцы, имущество которыхъ, по свидѣтельству Ибн-Батуты, оберегалось стѣною. Такое толкованіе не допустимо по слѣдующимъ соображеніямъ: разстояніе между Сараемъ и Колобовскимъ курганомъ не менѣе семи верстъ, а потому пріѣзжимъ купцамъ жить тамъ и ѣздить въ Сарай невозможно; купцы располагаются обыкновенно вблизи своихъ базаровъ. У Ибн-Батуты сказано: ساكنون بحلّة علیها سور احتیاطا علی اموال التجار т. е. живутъ въ *кварталь*, который обнесенъ стѣной ради имущества купцовъ. Тизенгаузенъ перевелъ: живутъ въ (особомъ) участкѣ, гдѣ стѣна ограждаетъ имущество купцовъ (стр. 306);

особый участокъ можно толковать пожалуй различно; но *محلة* — кварталъ — есть часть города, а не удаленное отъ него на нѣсколько верстъ поселеніе. Затѣмъ, по раскопкамъ Терещенко видно, что зданіи въ Колобовскомъ курганѣ вовсе не купеческія, а царскія, отличающіяся роскошью и отдѣланныя разноцвѣтными изразцами. Это богатство произвело на Терещенко такое сильное впечатлѣніе, что онъ призналъ здѣсь существованіе развалинъ ханскаго дворца. Да и стѣна по своимъ грандіознымъ размѣрамъ — «по ней свободно можно было разъѣзжать тройкою» — едва ли предназначалась для охраны имущества купцовъ; а если принять во вниманіе еще и башни, то заботы о купцахъ въ Золотой ордѣ покажутся совсѣмъ не обычными.

Ярлыкъ Тайдулы имѣетъ, по мнѣнію г. Трутовскаго, большое значеніе для рѣшенія вопроса о Гюлистанѣ. Здѣсь важно указаніе на ханскую кочевку. Ярлыкъ написанъ въ Гюлистанѣ во время кочевки, то-есть, лѣтомъ (поясняетъ г. Трутовскій), когда орда уходила обыкновенно въ болѣе прохладныя и богатая растительностью мѣста, поэтому Гюлистанъ никакимъ образомъ не могъ быть дворцомъ, да еще при-сарайскимъ, въ 7 верстахъ отъ столицы.

Какъ представляется г. Трутовскому кочевка, этого онъ не разъяснилъ, но что это представленіе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, будетъ видно изъ нижеслѣдующаго. Г. Трутовскій думаетъ, что татары кочевали лишь *лѣтомъ*; на такомъ ошибочномъ заключеніи онъ построилъ рядъ возраженій противъ моей гипотезы и, между прочимъ, выдумалъ

лѣтнюю столицу. Самъ ярлыкъ вполне точно опредѣляетъ время года, когда происходила кочевка, а именно 17-го числа арама мѣсяца. Арамъ мѣсяць есть первый мѣсяць солнечнаго года у древнихъ тюрокъ и начинался около весепняго равноденствія, слѣдовательно половина мѣсяца будетъ соотвѣтствовать концу марта, а потому ярлыкъ данъ не лѣтомъ, а въ концѣ зимы или ранней весной. По заключенію г. Трутовскаго слѣдуетъ, что если Гюлистанъ дворець, да еще въ семи верстахъ отъ столицы, то въ немъ не можетъ быть кочевки; но почему же? Само собою разумѣется, что кочевка происходитъ не внутри дворцовой ограды, а вѣдь ея, т. е. въ тѣхъ лугахъ, которые расположены у Колобовскаго кургана съ юго-восточной стороны его. Г. Трутовскій считаетъ невозможнымъ кочевать такъ близко къ столицѣ. Но въ одномъ ярлыкѣ сказано, что Орда кочевала въ Сараѣ. Это еще ближе, чѣмъ Колобовскій курганъ. Странно, что объ этомъ умолчалъ г. Трутовскій, а вѣдь тутъ все противъ него. Г. Трутовскій пишетъ: «какая же это кочевка орды, да еще въ солончаковой степи!» а ярлыкъ прямо говоритъ, что орда тутъ кочевала. Г. Трутовскій увѣряетъ, что лѣтомъ ханъ удалялся въ болѣе прохладныя (это тоже невѣрно) и богатыя растительностью мѣста, ярлыкъ же сообщаетъ о кочевкѣ въ Сараѣ, т. е. *лѣтомъ* (по заключенію г. Трутовскаго) близъ самой столицы, что г. Трутовскій полагаетъ невозможнымъ.

Достойно замѣчанія то, что по мнѣнію г. Трутовскаго научный пріемъ заключается въ томъ, чтобы не скрывать ничего и исчерпать весь матеріалъ. Это, конечно, самыя элементарныя требованія, не всегда, впрочемъ, достижимыя («исчерпать весь матеріалъ»); но научный пріемъ заключается въ критическомъ отношеніи къ матеріалу, въ методѣ его изслѣдованія. Дважды г. Трутовскій отвергаетъ существованіе дворца Гюлистана въ Сараѣ (стр. 572 и 573); но кому же онъ возражаетъ? Въ своей замѣткѣ я вполне опредѣленно помѣщалъ Гюлистанъ *отъ* Сарая, отводилъ ему мѣсто въ Колобовщинѣ, къ этому и была направлена вся моя работа.

Г. Трутовскій не можетъ спокойно разсуждать, когда говорятъ о Гюлистанскомъ дворцѣ: и мысль-то о немъ надо оставить и никогда-то дворцомъ Гюлистанъ монетный не былъ. Между тѣмъ у монгольскихъ и татарскихъ хановъ была кака-то страсть возводить дворцы, изъ которыхъ возникали потомъ столицы. Угедей построилъ столицу въ одинъ годъ; очевидно въ такой срокъ невозможно ничего устроить, кромѣ дворца; Хубилай соорудилъ два грандіозные дворца, лѣтній и зимній; Батый строилъ по всей вѣроятности только дворець, оттого и столица стала называться дворцомъ (Сараемъ); въ Крыму подобнымъ же образомъ возникъ Бахчи-

сарай, которому предшествовалъ просто Сарай, пылъ называемый Эскп-Сарай. А сколько дворцовъ (загородныхъ) построилъ Тамерланъ¹⁾! Гюлистанъ не могъ разростись до степени значительнаго города, потому что у него подъ бокомъ была настоящая столица.

По мнѣнію г. Трутовскаго эпитеты, присваиваемые Гюлистану на монетахъ, могутъ относиться только къ городу, а не къ дворцу, и ссылается онъ при этомъ на арабскихъ географовъ X вѣка. Но показанія послѣднихъ едвали могутъ быть во всей полнотѣ примѣнимы къ татарскимъ городамъ XIV в. Изъ желанія возвысить дворецъ Гюлистанъ, татары могли назвать его городомъ — *белед*. Поэтому и нельзя придавать не только рѣшающаго, а даже сколько нибудь серьезнаго значенія этимъ эпитетамъ, на которыхъ г. Трутовскій построилъ свою теорію, потому что всѣ положенія г. Трутовскаго въ данномъ случаѣ могутъ быть обращены съ одинаковымъ основаніемъ и противъ него. Къ числу такихъ можно отнести его соображеніе, что во время чумы, обезлюдившей Сарай, ханъ не могъ удалиться въ Гюлистанъ всего за 7 верстъ отъ столицы. А куда же было ему направиться, когда «черная смерть» опустошала *весь* край? Именно — въ загородный дворецъ, гдѣ всталики можно было до нѣкоторой степени изолировать отъ густого населенія. Семь верстъ — разстояніе далеко не спасительное отъ чумы, говорятъ г. Трутовскій; но это его личный взглядъ, а прежде могли думать иначе. Такъ, у насъ крымскихъ пословъ, во время эпидеміи въ Крыму, останавливали у Москвы-рѣки и вели переговоры съ ними черезъ рѣку, и такое разстояніе считалось достаточно спасительнымъ.

Г. Трутовскій говоритъ, что, при стараніи, Гулистановъ, дворцовъ можно найти еще нѣсколько; но самъ такого старанія не проявилъ и къ указаннымъ мною не прибавилъ отъ себя, хотя-бы для примѣра, ни одного, а потому всякій можетъ замѣтить автору приведенныхъ словъ, что его утвержденіе голословно. У персіянъ о такихъ приемахъ существуетъ поговорка: *مشتش وَا شد* «кулакъ его разжался».

Не прочь мой оппонентъ и поостриять. По поводу слова *ма' мурэ* онъ говоритъ, что никто не сталъ бы чеканить монеты въ пустомъ пунктѣ; ну, а чеканка монетъ во время похода или во время кочевки происходила въ обитаемомъ мѣстѣ?

Сравнительно значительный экскурсъ дѣлаетъ г. Трутовскій въ область арабскаго языка, объясняетъ слова и термины и для пущей убѣдительности говоритъ: «не думаю, чтобы татары такъ плохо знали свой языкъ,

1) Можно указать еще на кышлакъ Сарай на Аму-Дарьѣ, гдѣ когда-то былъ Сали-Сарай, столица джагатайскихъ хановъ («Заферъ-намэ» Шереф-ад-дина, Капк. изд., I, 38 и слѣд., 82, 98, 107 и слѣд.). *Ред.*

что не дѣлали различія въ смыслѣ этихъ двухъ значеній» (*махрусэ* и *ма мураэ*). Выходитъ, стало быть, что своимъ языкомъ у татаръ былъ языкъ арабскій.

Возбуждать вновь во всѣхъ подробностяхъ вопросъ о цифрахъ на джучидскихъ монетахъ я не вижу надобности; но объ одномъ нумизматическомъ lapsus'ѣ долженъ сказать нѣсколько словъ въ виду того, что г. Трутовскій приводитъ новый нумизматическій фактъ, очень выгодный для его гипотезы и опровергающій мою. Мой противникъ ссылается на помѣщенную въ «Инвентарномъ каталогѣ мусульманскихъ монетъ Императорскаго Эрмитажа» серебряную монету хана Узбека, битую въ Гюлистанѣ ли-с-Сарай въ 722 (1322) году. Это та самая монета, которая дала г. Трутовскому поводъ продлить существованіе монетнаго Гюлистанскаго двора еще на 5 лѣтъ, а всю продолжительность его установить въ 75 лѣтъ¹⁾. Вотъ въ чемъ дѣло. Я считалъ годъ 727-й на мѣдной апоимной монетѣ ошибочнымъ, даже отвергалъ существованіе при ханѣ Узбекѣ монетъ, битыхъ въ Гюлистанѣ, я настаивалъ на необходимости присутствія вмѣстѣ съ годомъ и имени хана. Теперь г. Трутовскій указываетъ на существованіе такой монеты еще болѣе ранней, именно 722 года. Вполнѣ естественно поэтому торжество г. Трутовскаго, и понятенъ его побѣдоносный тонъ въ длинной тирадѣ по поводу этой монеты. Но мнѣ приходится огорчать г. Трутовскаго: съ монетой произошло маленькое недоразумѣніе. На оборотной сторонѣ ея, какъ разъ по серединѣ, сдѣлана позднѣйшая надчеканка, нанесена тамга, испортившая нѣсколько буквъ въ имени города; но совершенно ясно читается *ضرب في* *السرای الجريد* бита въ Новомъ Сарай (вмѣсто *السرای الجريد* слѣдуетъ читать *السرای الجريد*). Для имени Гюлистана мѣста не имѣется, и этого имени на монетѣ нѣтъ. Что это дѣйствительно такъ, доказывается двумя другими, неповрежденными штемпелемъ монетами. Рисунки всѣхъ трехъ здѣсь помѣщаются (рис. 1, 2 и 3). А. К. Марковъ, видя легенду *ли-с-Сарай*, т. е. эпитетъ Гюлистана, и думая, что это имя уничтожено позднѣйшимъ штемпелемъ, призналъ монету Гюлистанскою, а такъ какъ на ней изображенъ 722-й годъ, то онъ отнесъ ее къ хану Узбеку. Если бы г. Трутовскій проявилъ правильный научный методъ не на словахъ только, а на дѣлѣ, то онъ не успокоился бы на показаніи Инвентарнаго каталога, а постарался бы ознакомиться съ подлинной монетой, хотя бы при посредствѣ фотографіи или гипсового слѣпка, т. е. добрался бы до источника, какъ это требуетъ историческая критика, но онъ такого требованія не исполнилъ, и те-

1) Не понимаю, почему г. Трутовскій не слѣдуетъ указанію гюлистанской монеты съ 827 годомъ (1424), тогда время существованія Гюлистанскаго монетнаго двора удлинилось бы еще больше?

перь ему придется взять свои слова о рѣшающемъ значеніи монеты 722 года назадъ: въ Инвентарѣ ошибка.

Принадлежитъ ли упомянутая монета хану Узбеку, это еще вопросъ. На лицевой ея сторонѣ изображено: *السلطان العادل غياث الدين والدنيا محمد خان خلد ملكه*. Судя по титулу, монета можетъ принадлежать Узбеку, который послылъ мусульманское имя Мухаммедъ; но на монетахъ его это имя часто опускается, не опускается только татарское имя «Узбекъ», которое помѣщается неукоснительно. Тотъ же титулъ «помощи вѣры и міра» послыя и другіе ханы, между ними Мухаммедъ Булякъ, на монетахъ котораго изображено: *السلطان العادل غياث الدين والدنيا محمد خان خلد ملكه*. Здѣсь нѣтъ имени «Узбекъ», а потому подобная монета могла бы быть отнесена къ Мухаммедъ Буляку, если бы не годъ. Но монеты Узбека, битыя въ 722 г., имѣютъ вной чеканъ. Кромѣ того, монетъ Узбека, битыхъ въ Новомъ Сараѣ, не существуетъ¹⁾. Вотъ сколько затрудненій съ джучидскими монетами. Упомяну кстати объ одной монетѣ, описанной Френомъ (Recensio, p. 277), съ именемъ Гюлистана; на ней поставлено имя Мюрпдъ-хана, а годъ обозначенъ 72 и далѣе какой-то неразборчивый знакъ, въ родѣ буквы 4, и Френъ полагалъ 72., а это было время царствованія Узбека (рис. 4). О подобныхъ монетахъ говорятъ и В. В. Григорьевъ²⁾.

Приведу еще примѣры: у Савельева описана монета, битая въ Гюлистанѣ въ 721 г. съ именемъ Кулны хана (№ 45). Онъ же и Григорьевъ отмѣтили Гюлистанскую монету Мюрпда хана съ годомъ 732 (по Савельеву № 62). А эти года относятся къ Узбеку. Но, конечно, г. Трутовскаго ничѣмъ не убѣдишь.

Желая подкрѣпить свои доводы во что-бы то ни стало, г. Трутовскій ссылается на «Инвентарный Каталогъ» А. К. Маркова, который оставилъ монетные года безъ исправленія; но какъ же иначе поступить? вѣдь каталогъ не есть изслѣдованіе, и заносить монеты надо сообразно съ ихъ надписямъ, а уже дѣло изслѣдователя разобраться въ правильности этихъ надписей.

До какой степени г. Трутовскій старается повернуть въ пользу своей теоріи самыя, повидному, мелочныя данныя, можно видѣть изъ такого примѣра. Въ «Инвентарномъ Каталогѣ» приведены двѣ гюлистанскія монеты съ надчеканкою «Сарай», и по этому случаю онъ замѣтилъ: «Если

1) Совершенно одиноко стоитъ монета, чеканенная въ Нопомъ Сараѣ, безъ имени хана съ датой (можетъ быть, ошибочной) 710 (Frähn, Recensio, p. 201; экземпляръ этой монеты имѣется и въ собраніи Спб. Университета). Всѣ другія монеты, битыя въ Новомъ Сараѣ, относятся къ царствованію Джанибека или послѣдующихъ хановъ.

2) «Описание клада изъ золотоордынскихъ монетъ, найденнаго близъ развалинъ Сарая» (Записки С.-Петербург. Археологическо-нумизматическаго общества, т. II, Спб. 1850, стр. 30—31).

Гулстапъ былъ дворець въ Сараѣ (противъ чего я возставалъ въ своей замѣткѣ), какой смыслъ было дѣлать эту надчеканку? Опять въ отличіе отъ другого дворца»? (стр. 572). Неужели надчеканка дѣлается для *отличія* монетныхъ дворовъ? До слухъ поръ всѣ думали, что наложенный на монету прежнихъ царствованій какой-либо знакъ, замѣняетъ перечеканку всей монеты, даетъ ей законное обращеніе, независимо отъ мѣста чеканки. Но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что въ надчеканкѣ вовсе не читается слово «Сарай» (см. рис. 5 и 6), а тамъ находится что-то другое. И въ данномъ случаѣ въ Инвентарѣ ошибка, а г. Трутовскій даромъ потратилъ свое остроуміе.

Мѣдная монета, на которой г. Трутовскій съ увѣренностью полагаетъ 797-й годъ гджры, хотя Френъ поставилъ этотъ годъ съ вопросительнымъ знакомъ (это отмѣчено и у Савельева, стр. 485), находится въ Петербургѣ въ трехъ экземплярахъ: одинъ въ И. Эрмитажѣ (съ него помѣщенъ рисунокъ на таблицѣ, подъ № 7) и два въ Азіятскомъ музеѣ при Академіи Наукъ (последнихъ мнѣ видѣть не удалось, такъ какъ они не оказались на своемъ мѣстѣ). На экземплярѣ изъ собранія Мауррина, неизвѣстно гдѣ находящемся, Савельевъ читалъ 727-й годъ. Я въ своей статьѣ «О мѣстоположеніи Гюлистана» указалъ уже, что штемпель, которымъ выбита монета съ 797 годомъ по Френу и съ 727 г. по Савельеву, одинъ и тотъ же. На это г. Трутовскій возразилъ слѣдующее: «Найти сходство среди разновременныхъ мѣдныхъ монетъ Золотой Орды вовсе не такъ трудно. Еще серебряныя имѣютъ часто рѣзкія отличія для каждаго царствованія и многихъ городовъ, но мѣдныя, въ одно и то же время, такъ однообразны по исполненію и разнообразны по типамъ, такъ мало пріурочены къ эпохамъ и такъ мало изучены, что пока даютъ полный просторъ любымъ догадкамъ, какъ бы плохо онѣ ни были обоснованы» (стр. 567). Здѣсь очевидное недоразумѣніе: я говорю о *тождествѣ*, а г. Трутовскій о *сходствѣ*. Сходство,—это и есть догадка; а тождество я могу доказать. На монетѣ Мауррина, описанной Савельевымъ и отнесенной имъ къ 727-му году, и на монетѣ Эрмитажной, помѣщенной подъ 797-мъ годомъ, и на монетахъ Азіятскаго музея, на которыхъ Френъ читалъ, съ вопросомъ, 797-й годъ,—на всѣхъ оборотная сторона украшена свастикой. Савельевъ не усмотрѣлъ свастики, вмѣсто нея онъ видѣлъ *тамгу* и далъ невѣрное ея изображеніе. Правильный рисунокъ предмета мы имѣемъ въ Nova Supplementa ad Recensionem, на стр. 318. Я лишешъ возможности дать съ монеты Мауррина точный снимокъ; но Савельевъ въ своемъ описаніи ея отмѣтилъ одну интересную подробность, на которую я и обращаю вниманіе читателей: цифры, изображающія годъ, расположены на этой монетѣ не горизонтально, а приподнятыми, по недостатку мѣста, вверхъ, какъ и на монетѣ Эрмитажной (рис. 8).

Если такіе нумизматы, какъ Френъ и Савельевъ, видѣвшіе оригиналы, читали годъ различно, то значить эта монета сомнительная; а въ такомъ случаѣ дѣлать на основаніи ея какіе либо выводы о времени существованія монетнаго двора недопустимо по приемамъ методологіи. Опорочивать эту монету мнѣ нѣтъ рѣшительно никакой надобности, я только возстановляю фактъ послѣ личнаго осмотра ея въ Имп. Эрмитажѣ. Монета же 727 года настолько не вяжется совсѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ объ Узбековыхъ монетахъ, что я имѣю полное основаніе считать годъ ея ошибочнымъ, какъ на многихъ другихъ.

Съ арабскими выраженіями г. Трутовскій обращается довольно свободно. Въ 3-мъ, направленномъ противъ меня, пунктѣ онъ пишетъ: «Эпитетъ لسرای «ли-с-Сарай» я тогда выдѣлялъ» и проч. Во первыхъ, لسرای нельзя читать «ли-с-Сарай», это будетъ только ли-Сарай; во-вторыхъ, монетъ съ такою надписью не существуетъ. Если г. Трутовскій допустилъ подобное начертаніе, то ясно, что самыхъ монетъ съ именемъ Гюлистана онъ не видалъ. На монетахъ стоитъ: لسرای т. е. два ляма, а потому совсѣмъ нельзя допустить, что элифъ выпалъ или не вышелъ при чеканкѣ, какъ думаетъ г. Трутовскій¹⁾.

Относительно разсужденій г. Трутовскаго о предлогѣ ل замѣчу, что въ словарѣ Lane'a (Arabic english Lexicon, edited by Stanley Lane-Poole. London 1893, p. 3006) сказано, что онъ означаетъ не только дательный падежъ, но и родительный, genetivus possessivus, и что онъ замѣняетъ предлогъ عند — при.

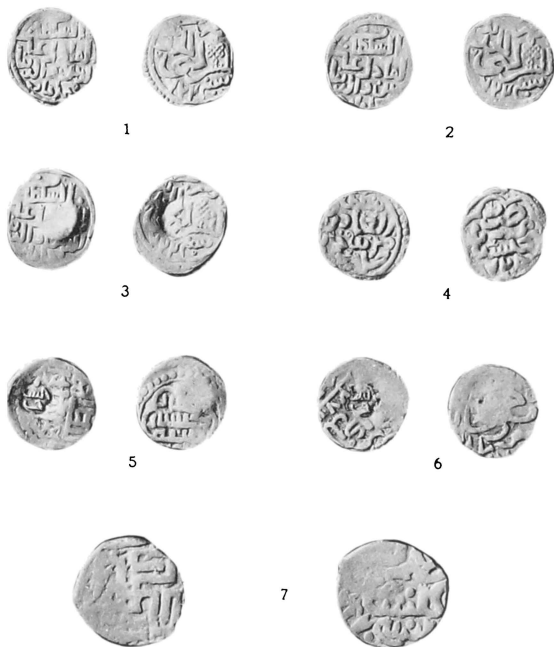
Но можетъ быть дѣйствительно вмѣсто *ли-с-Сарай* надо читать *эс-Сарай*, только не по соображеніямъ г. Трутовскаго, а по другой причинѣ: на монетахъ 722 года вычеканено *ли-с-Сарай эль-джедидъ*, что, при отсутствіи имени Гюлистанъ, не имѣетъ смысла, а потому возможно первый *лямъ* принятъ за неправильно изображенный элифъ; а если это такъ, то подобная описка могла случиться и на монетахъ съ именемъ Гюлистана. Значеніе всей легенды тогда было бы — Гюлистанъ Сарайскій, что не рождаетъ значенія «при-Сарайскій». Г. Трутовскій въ данномъ случаѣ понимаетъ не собственное имя, а нарицательное «дворецъ» и переводитъ словомъ «столичный», «дворцовый» (стр. 570 и 572). Но вѣдь это есть то самое, что я и предполагаю: Гюлистанъ — дворецъ или дворцовый Гюлистанъ. Однако,

1) Что элифъ на данныхъ монетахъ не было, это подтверждается монетою, описанною Френомъ (Resensio, p. 276), на которой умѣстились оба слова рядомъ كستان لسرای, при чемъ элифъ не могъ не отчеканиться. Рисунокъ этой монеты можно видѣть въ сочиненіи Френа «Монеты хановъ улуса Джучіева». Табл. V, № СХХVII.

исходя изъ легенды *اللسرای الجرید*, слѣдуетъ признать, что здѣсь не нарицательное, а собственное имя.

Что же дастъ намъ вторая статья г. Трутовскаго о Гюльстанѣ? Это пусть рѣшаютъ другіе.

Н. Веселовскій.

№ 546.

Ир.

Л. I.

غزنی
دولتستان
سنه ۷۲۷

Чеканъ

Гюлистана,

года 727. (1326, 27).

На об. ст. тамга

Въ Nova Supplet. ad. Вес. р. 318 описана позднѣйшая монета совершенно подобнаго типа, съ сомнительнымъ годомъ 797 (?).

(Изъ собранія Маурина).